

А. П. КАЖДАН

**ЦЕХИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ
В IX—X вв.**

Вопрос об организации ремесла и торговли в Константинополе IX—X вв. много изучался в буржуазной исторической литературе. Взгляды буржуазных историков и экономистов по этому вопросу стояли в тесной связи с их общими представлениями о характере византийского города. Последние определялись прежде всего политическими тенденциями буржуазных исследователей, в силу которых они то осуждали экономическую политику византийского правительства, то, наоборот, всячески превозносили ее.¹ В то же время буржуазная наука почти ничего не сделала для выяснения специфики византийского города. Одни буржуазные историки рассматривали византийский город как типичный средневековый, они идеализировали при этом средневековую систему производства, находя в ней „заботу о производителе и потребителе“ (Г. Гериг). Авторы других работ (Л. Хартманн, Ж. П. Вальдинг, А. Штэкле) изображали производственную жизнь византийского города по образу античного: они выводили византийские цехи непосредственно из римских коллегий и не видели принципиальных различий между теми и другими. Наконец, в исследованиях последнего времени все более и более настойчиво проводится антинаучное, модернизаторское отождествление византийских цехов с капиталистическими картелями или с фашистским „корпоративизмом“ (Г. Миквид, Дж. Марцемини, Р. Лопес).

К выяснению специфических черт византийского города подошел впервые А. П. Рудаков. Правда, и А. П. Рудаков рассматривал византийский город как непосредственное продолжение античного. По его мнению, „Византия может рассматриваться как агрегат извечных городских общин-полисов“.² Но в то же время он отмечал и некоторые особенности византийского города, в частности, — относительно слабое развитие рабского труда.³ Однако эти правильные наблюдения не связаны с основной концепцией А. П. Рудакова, исходящей из его порочного методологического представления о том, что Византии было якобы

¹ См. об этом А. П. Каждан. Рецензия на работу Р. С. Лопес „Производство шелка в Византийской империи“, „Византийский Временник“, т. III, 1950, стр. 291—292 и М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века, „Византийский Временник“, т. IV, 1951, стр. 11—13.

² А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агрографии, М., 1917, стр. 72.

³ А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 139.

чуждо движение вперед, что в XV в. она оставалась такой же, какой была в IV в.

Вопрос о специфике организации византийского ремесла и торговли был поставлен с большой четкостью только в работе советского византиста М. Я. Сюзюмова „Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века“, содержащей ряд очень важных и в методологическом отношении безусловно верных положений. Несомненно правильной является высказанная им точка зрения относительно наличия внутреннего неравенства в византийских цехах. Приведенный М. Я. Сюзюмовым материал показывает полную несостоятельность мелкобуржуазной идеализации средневековой системы производства, которая была широко распространена среди немецких историков. М. Я. Сюзюмов очень убедительно показал своеобразие византийской внешней торговли, носившей пассивный характер; он правильно отметил также роль знати в константинопольском ремесле и торговле.

Однако нам кажется, что М. Я. Сюзюмов, подчеркивая своеобразие организации ремесла и торговли в Константинополе, отрицает по существу средневековый характер этой организации. Действительно, по мысли М. Я. Сюзюмова, византийский город „сохранил в основном характерные черты эллинистического города“;¹ основными особенностями производственной жизни византийского города он считает значительную роль рабского труда в ремесле и относительную слабость корпоративности в византийском цехе.² Кроме того, М. Я. Сюзюмов находит, что число наемных работников в византийском городе было весьма велико: он говорит о „многочисленной армии поденщиков“, о „массе поденщиков“, о „достаточном количестве наемных рабочих“.³ В соответствии с этим М. Я. Сюзюмов полагает, что в византийских цехах был широко распространен дух предпринимательства: византийский хозяин не был связан определенными требованиями в отношении условий содержания подмастерья, обычных для западноевропейских цехов, торговля была здесь отделена от ремесла и т. д.⁴

Эта картина византийского ремесла со слабо развитыми цехами и сильной конкуренцией, со значительной массой рабов и наемных рабочих и т. д. далека от наших представлений об организации городского производства и торговли в период средневековья. Поэтому автор настоящей работы решил пересмотреть материал для истории византийского города с тем, чтобы выявить прежде всего черты средневековой организации производства в Константинополе и уже затем некоторые специфические особенности константинопольского ремесла.

* * *

Характерной формой организации средневекового ремесла и торговли являлись цехи, имевшие, как показала В. В. Стоклицкая-Терешкович, различные особенности в разных городах Западной Европы и Руси.⁵

Цеховой строй византийского ремесла и торговли известен главным образом по „Книге Эпарха“ (сборник цеховых уставов), позволяющей охарактеризовать константинопольские цехи. В источниках другого рода

¹ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 13.

² Там же, стр. 13—16, 19.

³ Там же, стр. 20—21.

⁴ Там же, стр. 14, 17.

⁵ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси, „Средние века“, т. III, 1951.

цехи упоминаются лишь спорадически; особенно незначителен материал о цехах провинциальных городов.¹

Основной ячейкой византийского ремесла и торговли являлся эргастрий, служивший мастерской, лавкой или тем и другим одновременно. В эргастрии ремесленника или торговца работало несколько лиц. Об этом свидетельствует похвальное слово Феодору Эвахиту: „Несколько аргиропратов объединено в одном эргастрии так, что один выполняет обязанности мастера (*διδασκάλου*), другой — помощника и ученика“.² Это наблюдение подтверждается и данными жития Илии Нового, где рассказывается, что „святой“ по достижении 12 лет был отдан в обучение столяру (плотнику), который обязался платить ему определенную плату. Два года прожил он у своего хозяина, занимаясь не только ремеслом, но и прислуживая за столом. Затем он обзавелся собственной мастерской, и его прежний хозяин, опасаясь конкуренции, предложил Илии вступить с ним в компанию в качестве „сотоварища“ (*κοινωνός*).³

„Книга Эпарха“ говорит об учениках немного. Учеников (*μαθηταί*) имели свечники (XI, 1); М. Я. Сюзюмов предположил, что термин *ἐκλέκτης* (VIII, 7) также обозначает ученика;⁴ если это действительно так, то можно допустить, что учеников имели и сирикарии.

В других случаях место ученика занимал наемный работник — мистий или мистот. Уже М. Я. Сюзюмов отметил, что положение ученика „не отличалось от положения мистия“⁵ (это, впрочем, не мешает ему в другом месте говорить об ученике и мистии, как о разных категориях работников византийской мастерской).⁶ Действительно, принципиального различия между учеником и мистием не было: как мы уже знаем, Илия Новый, например, обучавшийся ремеслу и даже прислуживавший хозяину за столом, считался нанятым (*ἐμμετρώμενος*) и получал определенную плату.

Наемные работники (мистии) применялись, насколько можно судить по „Книге Эпарха“, преимущественно в шелковом производстве (VI, 2 и 3; VIII, 7 и 10) — в качестве помощников при торговле шелком или подмастерьев. Кроме того, известны помощники тавуляриев (*γραφεῖ*) (1, 17, 19, 24) и ростовщиков-трапезитов (*ὑπηρετούμενοι*) (III, 4).

Согласно „Книге Эпарха“, мастер, нанявший мистия, не мог заключить с ним договор на срок более месяца; он не мог также выдавать ему плату более чем за месяц вперед. Мастерам запрещалось перемакивать к себе чужого мистия до выполнения им работы у прежнего хозяина (в счет полученной мистием заработной платы).

М. Я. Сюзюмов полагает, что подмастерье не был тесно связан с мастерской: он якобы легко переходил от одного мастера к другому и в то же время не имел возможности превратиться в самостоятель-

¹ В солунских грамотах XIV в. упоминаются цехи мироваров (F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, Münch., 1948, № 111.30) и строителей домов (там же, № 112.33 и W. Regel, E. Kurtz, B. Korabiev. Actes de Zographou, „Византийский Временник“, т. XIII, 1907. Приложение № 25.72). Солунская грамота 1008 г. упоминает экзархов Иоанна и Андрея, в которых издатель актов склонен видеть цеховых старейшин (F. Dölger. Ук. соч. № 109.3—5. Ср. там же, стр. 297—298).

² Acta Sanctorum (AASS), Novembris, IV, p. 62.

³ „Православный Палестинский сборник“, т. XIX, вып. 3, 1907, стр. 45 сл.

⁴ М. Я. Сюзюмов. Книга Эпарха, Свердловск, 1949, стр. 73. Ни в коей мере нельзя согласиться с мнением Е. Черноусова (см. его статью „Римские и византийские цехи“, „Журнал Министерства Народного просвещения“, т. 53, 1914, стр. 168), что *ἐκλεκτός* — означает надсмотрщик.

⁵ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века, стр. 23.

⁶ Там же, стр. 13.

ного мастера — владельца мастерской.¹ Это мнение представляется нам не вполне обоснованным: „Книга Эпарха“ не содержит никаких запретов и ограничений при приеме в цех ученика или мистия — для этого нужно было лишь представить определенное количество поручителей и уплатить взнос (см. ниже). Известное уже нам житие Илии Нового рассказывает о судьбе ученика-мистия, проработавшего в мастерской два года и сделавшегося затем самостоятельным мастером. Бывали случаи, когда мистий женился на своей прежней хозяйке.² Установление в „Книге Эпарха“ помесечной платы мистию не может служить доказательством того, что на практике мистии были чрезвычайно подвизжны: ведь и в западно-европейских средневековых городах встречалась не только годовая или полугодовая плата, но и недельная, по-денная и т. п.

Таким образом, как и подмастерье на Западе, византийский мистий хотя и не был прикреплен к мастерской, сплошь да рядом оказывался прочно связанным с ней; он подолгу работал у одного мастера. С другой стороны, он имел возможность сделаться мастером. К византийскому ремеслу целиком относится положение Ф. Энгельса о том, что в средние века наемный труд вознаграждался „...не одной только заработной платой, но и иным путем: цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради содержания и платы, сколько ради собственного обучения и подготовки к званию самостоятельного мастера“.³ В житии Илии Нового это обстоятельство проступает особенно ярко.

И в то же время между мастерами и мистиями возникали существенные противоречия. Некоторые из этих противоречий получили отражение в „Книге Эпарха“. Писцы тавуляриев пытались идти против воли своих хозяев — они подвергались за это увольнению (I, 17); сирикарии пытались продавать своих мистиев (мистотов) и учеников (VIII, 7). Между мастерами и мистиями шла борьба за заработную плату, и мистии переходили к другим мастерам, рассчитывая получить более высокое вознаграждение. В XI в. эта борьба принимает более острые формы: когда в городе Редесто в правление императора Михаила VII Парапинака (1071—1078) началась нехватка продуктов, мистии потребовали повышения заработной платы.⁴

Кроме свободных наемных работников, некоторые мастера применяли труд рабов (οἰκέται). „Книга Эпарха“ упоминает ойкетов, занятых в шелковом производстве (VI, 7 и VIII, 7), и ойкетов, находившихся в услужении свечников (XI, 1). В „Книге Эпарха“ встречается и другой термин для обозначения раба — δοῦλος, — в данном случае — раб, торгующий мылом (XII, 9).

Рабов, принадлежащих мастерам, упоминают иногда и другие источники. О приобретении ювелиром раба рассказывает раннее житие Иоанна Милостивого.⁵ Раб, находящийся в услужении торговца, назван в „Чудесах иконы богородицы римской“.⁶ Однако агиографические памятники не показывают, какую роль играли рабы в хозяйстве ремесленников и торговцев.

А. Штэкле полагает, что рабами являлись также ἄνθρωποι, „люди“, которых дважды упоминает „Книга Эпарха“: в уставе мыловаров

¹ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля... стр. 20.

² Genesis ed. C. Lachmann, Bonn, 1834, p. 55.12. Разумеется, это лишь единственный случай, которым приходится аргументировать из-за недостатка источников.

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 254.

⁴ Attaleiates, rec. I. Bekker, Bonn, 1853, p. 204. 5.

⁵ А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 151.

⁶ E. Döbschütz. Maria Romaia, „Byzantinische Zeitschrift“, 12, 1903, S. 199.35.

(XII, 8) и в уставе булочников (XVIII, 1). Он исходит из того, что мастера, как это видно из указанных статей „Книги Эпарха“, должны были кормить своих „людей“.¹ Однако этот аргумент нельзя признать достаточно убедительным: уже Е. Черноусов дал обоснованную критику аргументации А. Штэкле.² К этому можно добавить, что на харчах мастера жил, повидимому, и мистий. К тому же устав мыловаров пользуется, как уже было сказано, для обозначения раба другим термином — δουλος (XII, 9).

Таким образом, вопрос о социальном статусе так называемых ἄνθρωποι остается открытым: скорее всего, этот термин мог обозначать и свободных, и несвободных работников.

Особое место в византийском ремесле занимали рабы, открывавшие собственные мастерские. Раб мог стать плавильщиком золота (II, 89), аргиропратом (II, 10), торговцем шелковой одеждой (IV, 2), сирикарием (VIII, 13). Трудный для понимания текст „Книги Эпарха“ (VII, 3 и 5) должен быть истолкован в том смысле, что раб мог стать катартарием, но не имел права вести торговлю шелком-сырцом.

М. Я. Сюзюмов, много сделавший для изучения вопроса о роли рабов в византийском ремесле, предположил, что раб мог стать мыловаром.³ Основание для такого предположения дает одно место „Книги Эпарха“ (XII, 9), где идет речь о продаже мыла рабом, имеющим весы без специального клейма эпарха; наказанием для этого раба должна была служить отправка его на императорские работы.⁴ Следует все же отметить, что из данной статьи нельзя заключить, был ли упомянутый в ней раб владельцем мастерской или работником.

Рабы, владеющие мастерскими, принадлежали, как это явствует из устава аргиропратов, константинопольской знати.⁵ Своеобразие положения этих рабов состояло в том, что в экономическом отношении они представляли собою мелких, самостоятельно работающих производителей.

Некоторые профессии были недоступными для таких рабов: мы уже узнаем, что раб не мог торговать шелком-сырцом; не мог он стать и траpezитом (III, 1).

Хотя рабы не один раз упоминаются в „Книге Эпарха“, нельзя не заметить, что применение рабского труда в ремесле и торговле было сравнительно ограниченным. Рабы в основном применялись в шелковом производстве; кроме того, их труд использовался в производстве свечей и в некоторых видах торговли. Использование рабского труда в производстве мыла и в хлебопечении представляется проблематичным. Рабы-аргиропраты и т. п., владевшие мастерскими, по существу, являлись мелкими самостоятельными производителями. В своей основной массе ремесленники были свободными людьми и работали без применения рабского труда. Мировары, дубильщики, лоротомы, малактарии, ткачи полотен, мастера по металлу, столяры, маляры, работники по мрамору и целый ряд мелких торговцев не используют рабского труда. Ничего подобного античным рабским эргастериям с десятками работающих в них рабов византийский город не знает.

¹ A. Stöckle. Römische und byzantinische Zünfte, Lpz., 1911, S. 71.

² Е. Черноусов. Ук. соч., стр. 168 сл.

³ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля..., стр. 14.

⁴ Ср. наказание для раба — плавильщика золота: Книга Эпарха, II, 9.

⁵ Книга Эпарха, II, 10. Ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 14—15; А. П. Каждан. Рабы и мистий в Византии IX—XI вв., „Ученые записки Тульского пединститута“, вып. 2, 1951, стр. 72.

Каковы были размеры византийской мастерской? Раскопки в Коринфе свидетельствуют о незначительности размеров византийских эргастриев — в городе не было обнаружено ни одного крупного торгового или ремесленного заведения. Единственными значительными сооружениями средневекового Коринфа вообще были церкви.¹ В мастерской работал сам хозяин, а иногда и его жена;² помощниками хозяина были ученик или сходный с ним по положению мистий, а также раб. Однако далеко не всякий мастер имел помощников: большинство мастеров работало самостоятельно (ἰδιωτῆς).³

Число помощников было невелико. Из устава сирикариев видно (хотя здесь и не говорится об этом прямо), что мастер нанимает одного работника (VIII, 10 и 12). Тавулярии и трапезиты, занимавшие привилегированное положение, могли иметь соответственно только одного (I, 24) и не более двух помощников (III, 4).

Сложнее решается вопрос о числе помощников мыловаров и булочников: „Книга Эпарха“ не определяет количества находившихся в их распоряжении „людей“. Однако у нас нет никаких оснований считать, что их было очень много: ведь в „Книге Эпарха“ говорится неопределенно и о „помощниках“ (οἱ ὑπ' αὐτοῦς) трапезита (III, 6), хотя в другом месте здесь указывается, что число этих „помощников“ не должно было превосходить двух.

Константинопольские ремесленники и торговцы, принадлежавшие к одной и той же профессии, объединялись в коллегия, или цех. Последний в источниках обозначается греческим термином *συστήμα* или более точно *κοινότης τοῦ συστήματος*.⁴ „Пира“⁵ (51, 7) указывает, что термин *συστήμα* в узком смысле обозначает лиц неремесленной профессии, как-то: метаксопратов, прандиопратов и остальных, — тех, кто сами не работают (αὐτοὶ οὐκ ἐργάζονται); иначе говоря, понятие *συστήμα* распространяется здесь только на купеческие коллегии. В отличие от них ремесленные коллегии обозначаются в „Пире“ термином *σωματεῖον*.

Такого рода разделения купеческих и ремесленных коллегий мы не находим в „Книге Эпарха“.

„Книга Эпарха“ перечисляет следующие константинопольские цехи: аргиропраты и золотых дел мастера, катартарии (мастера, очищавшие шелк-сырец), ткачи по шелку, парфюмеры, свечники, мыловары, дубильщики, лоротомы (шорники), малактарии (кожевники), булочники, вестипраты (торговцы одеждой), прандиопраты (торговцы сирийскими тканями), метаксопраты (торговцы шелком), офониопраты (торговцы полотном), салдамарии (бакалейщики), мясоторговцы, свиноготовцы, рыботорговцы, корчмари. Особое место занимали цехи тавуляриев, трапезитов и вофров (посредники при покупке скота).

Перечень коллегий (*συστημάτων τῶν καὶ σωματείων*) содержат также и „Василики“ (VIII, 2.101). Они называют монетчиков, кузнецов, садовников, булочников, свиноготовцев, золотых дел мастеров, рыбаков и судовладельцев. Бросается в глаза то обстоятельство, что большинство названных здесь цехов отсутствует в „Книге Эпарха“, — это может быть объяснено как неполнотой этого памятника, так и архаичностью

¹ С. Н. Morgan. Corinth. The byzantine pottery, Cambridge-Massachusetts, 1942, p. 5—7.

² М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 19—20.

³ Книга Эпарха, XI, 1.

⁴ Там же, V, 3.

⁵ Изд. С. Е. Zachariae von Lingenthal Jus Graeco-Romanum, v. I., Lpz., 1856.

„Василик“. Как бы то ни было, у нас нет оснований утверждать, что в IX—X вв. действительно существовали коллегии садовников, монетчиков, кузнецов, рыбаков и судовладельцев.

В хронике псевдо-Симеона засвидетельствовано существование цеха сапожников: здесь говорится о номике Константине, который был старшей сапожного цеха (πρεσβύτερος τζαγγαρίου).¹ Агиографические памятники почти совсем не упоминают цехов, если не считать известия метафрастовой переработки жития Сампсона Ксенодоха о существовании в Константинополе корпорации врачей, ежегодно совершавшей торжественное шествие к храму св. Мокия, где хранились мощи покровителя врачей — Сампсона.²

Константинопольские ремесленники некоторых профессий не объединялись в цехи; это относится, в частности, к ткачам полотен. Не имели своих цехов и техниты.³

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно указывали, что цеховой строй средневекового ремесла является отражением мелкого, закостенелого, неподвижного производства и сам, в свою очередь, содействует этой закостенелости и неподвижности. К. Маркс не только говорил об оковах, которые цехи налагают на свободное развитие производства,⁴ но и сопоставлял цехи с кастами, вырастающими из стремления докапиталистических обществ сделать ремесла наследственными.⁵ Ф. Энгельс в „Дополнениях“ к „Капиталу“ подчеркивал, что внутреннее устройство цехов отражало устройство общины-марки.⁶

В „Немецкой идеологии“ К. Маркс и Ф. Энгельс показали другие причины, содействовавшие образованию цехов: объединение цеховых ремесленников было порождено необходимостью оказать сопротивление объединенному господствующему классу, ростом конкуренции со стороны стекавшихся в город беглых крепостных и потребностью в общих рыночных помещениях. Все это и обуславливало складывание корпоративной собственности в городах.⁷

Присущие организации средневекового ремесла черты корпоративности отражены и в „Книге Эпарха“. Она уделяет большое внимание борьбе с конкуренцией мастеров, стоящих вне цехов. Так, устав свечников запрещает торговлю свечами лицам, не имеющим своей мастерской и, следовательно, не принадлежащим к цеху (XI, 1); в другом месте на свечников возлагается обязанность доносить эпарху о посторонних лицах, которые обманным путем изготавливают свечи из огарков (XI, 6). В уставах некоторых цехов запрещается обучать данному ремеслу посторонних: так, устав мыловаров (XII, 1) запрещает обучать этому ремеслу человека, не входящего в состав цеха.

¹ Theophanes Continuatus, ed. I. Bekker, Bonn, 1838, p. 606.16. Издатель неправильно перевел: presbyterum sutoris filium.

² Migne. P. G., t. CXV, col. 34.

³ С. Macri (L'organisation de l'économie urbaine dans Byzance, Paris, 1925, p. 105) считает, что техниты были организованы в цехи. Более осторожен А. Stöckle (Byzantinische Zeitschrift, 26, 1926, S. 117), полагавший, что доказать это положение невозможно. М. Я. Сюзюмов решает вопрос о технитах различным образом: то он говорит о цехах столяров, слесарей, маляров, работников по мрамору, строителей (Ремесло и торговля... стр. 14), то осторожно замечает: „Нет никаких данных о том, что они имели цеховую организацию“ (там же, стр. 16), то, наконец, считает возможным „определенно сказать“, что они не имели цеховой организации (там же, стр. 18).

⁴ См. К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 720.

⁵ См. там же, стр. 346.

⁶ См. там же, т. III, стр. 914.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 14—15.

Особенно часто в „Книге Эпарха“ затрагиваются случаи, когда лица, не принадлежавшие к цеховой корпорации, пытались конкурировать с константинопольскими торговцами и ростовщиками. „Книга Эпарха“ содержит ряд запретительных статей в отношении деятельности этих лиц, различные предписания о мерах борьбы с такого рода нарушителями привилегий столичных купцов и ростовщиков. Трапезит имел право задерживать и приводить к эпарху „нелегальных“ менял — „мешочников“ (сакуляриев), которые совершали операции из-под полы, стоя на перекрестках со своими мешками (III, 2).¹ Аргиропраты контролировали торговцев и торговок золотом, серебром и драгоценными камнями — особенно, если это были иногородние (II, 4 и 6). Запрещена была также торговля иногородних шелком и шелковыми тканями (IV, 8; VI, 15—16; VIII, 8). Запрещена была деятельность „нелегальных“ метапратов („перекупщиков“), пытавшихся торговать мылом и свиньями (XII, 6 и XVI, 3).

В то же время „Книга Эпарха“ не содержит каких-либо статей, защищающих от конкуренции ткачей по шелку, катартариев, золотых дел мастеров, не говоря уже о технитах и ткачах полотен.

Важную роль в хозяйственной деятельности цехов играла организация совместной закупки товаров у приезжих купцов. Восточные товары (ткани и ковры), привозимые в Константинополь, должны были быть сложены в специальном помещении для временно проживающих иностранных купцов; прандиопраты закупали у последних товары сообща, после чего распределяли их между членами цеха (V, 2—3). Таким же образом происходила и покупка шелка-сырца (VI, 8 и VII, 4); при этом в „Книге Эпарха“ прямо подчеркивается, что конкуренция отдельных купцов и мастеров не должна оказывать влияние на цены (*μη αὐξάνουτες ἢ ἐλαττοῦντες τὴν τιμὴν*) (VII, 4). Сообща совершалась также покупка офониопратами льняных тканей (IX, 3). Совместная покупка облегчала константинопольским купцам ведение дел и помогала добиваться снижения цен на привозимые товары.

Значительное внимание „Книга Эпарха“ уделяет вопросам конкуренции цехов со знатью. При этом опять-таки следует обратить внимание на то, что цеховые уставы далеко не в одинаковой степени охраняют интересы различных цехов против знати. Мы уже знаем, что плавильщики золота, аргиропраты, сирикарии, катартари, а также торговцы шелковой одеждой должны были считаться с конкуренцией ремесленников-рабов, принадлежавших архонтам. Другие цехи добились ряда привилегий, ограничивших возможности знати заниматься торгово-ремесленной деятельностью. Так, решительно запрещается торговля знатных лиц шелком-сырцом (VI, 10 и VII, 1) и свиньями (XVI, 4); рабам архонтов запрещалось становиться трапезитами и торговцами шелком-сырцом. Различия в положении тех или иных цехов по отношению к конкурировавшей с ними знати объясняются разной степенью независимости этих цехов от архонтов.

Далее, „Книга Эпарха“ регламентирует отношения между цехами, запрещая одному человеку заниматься двумя ремеслами: нельзя было одновременно торговать и шелковыми одеждами, и шелком-сырцом (IV, 7); торговец шелком-сырцом не должен был вмешиваться в сферу деятельности другой коллегии (VI, 1); запрещалось быть одновременно сирикарием и торговцем шелковыми тканями (VIII, 6); свечники не могли брать за чужое ремесло (IX, 2); торговцы благовониями не могли

¹ См. Е. Черноусов. Ук. соч., стр. 162—163; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 24.

продавать бакалейные товары (X, 1 и 6); устав салдамариев запрещал членам этого цеха заниматься делом мыловаров, мироваров, офониопратов и корчмарей (XIII, 1).

Особенно детально регламентировалась внутрицеховая конкуренция. „Книга Эпарха“ определяет место ремесленной и торговой деятельности ряда цехов. Прандиопраты должны были вести торговлю в одном месте Эмвола, а не в разных частях города (V, 2); определяется место торговли благовониями (X, 1), скотом (XV, 5 и XVI, 3) и рыбой (XVII, 1); только салдамариям было разрешено открывать лавки по всему городу (XIII, 1). Среди предписаний, касающихся вопроса о местоположении эргастриев, особенно характерно то, в котором устанавливается, что каждый мастер должен иметь свое место, чтобы не причинить ущерба другому (X, 1). В соответствии с этим свечникам запрещалось расставлять прилавки посреди улицы, в неподобающих местах, рассылать с этой целью рабов и учеников (XI, 1). И трапезиты не могли рассылать своих подручных по площадям и улицам Константинополя (III, 6).

Регламентируется также — в значительной степени с противопожарными целями — расстояние между эргастриями (XII, 3 и XVIII, 3).

В цеховых уставах мы встречаем разработанную систему регламентаций процесса производства. Особенно важно отметить наличие запрещения увеличивать размеры эргастрия — в нарушение установленного порядка (XVIII, 5). Правда, прямое запрещение такого рода в „Книге Эпарха“ встречается только один раз — в уставе булочников. Существенно, однако, то, что расширение размеров эргастрия ставится в связь с ухудшением качества продукта, поскольку и то и другое имело целью увеличение дохода.

В цеховых уставах получила отражение забота о качестве товаров, производимых мастерами данного цеха: ювелиры карались за изготовление изделий из неполноценного материала (II, 5); свечникам запрещалось применять негодное оливковое масло и негодный воск (XI, 4); устав булочников содержит в общей форме запрещение продавать товар низкого качества (XVIII, 5).

Мастерам запрещалось переманивать чужих мистиев (VI, 3 и VIII, 10), а также платить мистиям более чем за месяц вперед (VIII, 12). Запрещалось содействовать увеличению энойкиона (ἐνοίκιον) — платы за наем помещения для эргастрия (IX, 4; X, 3; XIII, 6; XIX, 2) — поскольку это могло бы привести к увеличению затрат мастера.

Регламентировались также условия приобретения сырья и товаров. „Книга Эпарха“ запрещает мастерам приобретать сырье в количестве, превышающем то, которое непосредственно необходимо для работы (II, 8, 9; X, 2; XI, 3; XIV, 1; XVI, 5); при этом устав мироваров прямо указывает (X, 2), что это ограничение вводится для того, чтобы злокозненные люди не накапливали товары, дожидаясь их нехватки, и не извлекали таким путем несправедливой прибыли. Специальный чиновник — лигатарий должен был следить за тем, как выполняется запрет накапливать запасы (XX, 3).

Кроме того, ряд уставов запрещает торговцам выезжать за пределы города с целью более дешевого приобретения товаров (VI, 12; XVI, 2; XVII, 3). Свообразно регламентирует этот вопрос устав торговцев мясом: членам цеха запрещается встречать крестьян, пригоняющих скот в Константинополь, или скупать скот в близких к столице районах, однако разрешаются поездки торговцев в дальние области („за реку Сангарий“) (XV, 3).

Регламентируется и продажа товаров. Цехи устанавливают определенные дни для торговли тем или иным видом товаров (X, 2). Регламентируется цена продаваемого товара. Устав мироваров запрещает продавать благовония по удешевленным ценам (X, 1), тем самым создается препятствие для конкуренции мастеров. В ряде случаев уставы особенно подчеркивают необходимость соблюдения „справедливой“ цены (II, 2 и X, 2). Уставы борются с попытками торговцев обманывать покупателей (XII, 5 и XIII, 3), особенно — с попытками повышать цену после получения задатка (XI, 11; IX, 2; X, 5; XI, 5).

Наконец, в некоторых уставах встречается регламентация нормы прибыли (XIII, 5; XV, 2; XVII, 3; XVIII, 1). При этом устав булочников отмечает, что мастер с каждой вырубленной номисмы должен получать один кератий прибыли, а четыре должен затратить на содержание работников, топку печей и корм лошади, смоловшей жито.

Таким образом, в Византии (или, во всяком случае, в Константинополе) существовала развитая система цеховой регламентации. Из всего этого видно, что нет оснований соглашаться с М. Я. Сюзюмовым, стремящимся доказать, что средневековая корпоративность была сравнительно слабой в византийских городах.¹

Вступление в константинопольские цехи было связано с определенными формальностями. Это нашло свое отражение даже в терминологии: ремесленник принимался, а не вступал в цех.² Основными формальностями, связанными со вступлением в цех и упомянутыми в „Книге Эпарха“, являлись поручительство в благонадежности, проверка знания ремесла, уплата вступительного взноса; кроме того, действовали и социальные ограничения.

Поручительство известно ряду уставов. Устав свиноголовцев указывает, что желающий стать продавцом свиного мяса должен представить поручителей, готовых принять на себя ответственность за честность его поведения (XVI, 1). Точно так же и вступающий в цех трапезитов должен был представить в качестве поручителей „почтенных и честных людей“ (III, 1). Поручители подвергались наказанию, если тот, за кого они ручались, совершал какое-нибудь преступление (II, 10). Некоторые уставы регламентируют количество „честных поручителей“: так, желающий стать ювелиром или вестииопратом должен был выставить 5 поручителей (II, 10 и IV, 5).

Неясно, кто мог быть поручителем. Согласно уставу вестииопратов поручители должны принадлежать к тому же самому цеху (IV, 5); в других уставах подобного ограничения нет, однако это еще не означает, что его не было в действительности. Вопрос о поручителях остается открытым.

Как показал уже А. Штэкле,³ обычай выставять поручителей при приеме в цех отличает византийский цех от греческих и римских коллегий; для вступления в последние поручительства не требовалось.

Менее четко устанавливает „Книга Эпарха“ требование знания ремесла. Лишь устав вестииопратов (IV, 5) указывает, что поручители должны гарантировать пригодность нового члена цеха для избранного им занятия (*ἄξιον ἐν τῇ αὐτῇ τέχνῃ*).

М. Я. Сюзюмов считает, что в цех мыловаров принимались люди, не знакомые с этим ремеслом.⁴ Однако это предположение не может

¹ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля... стр. 13. Ср. там же, стр. 19.

² См. сводку терминов у А. Stöckle. *Römische und byzantinische Zünfte*, S. 55.

³ А. Stöckle. Ук. соч., стр. 58.

⁴ М. Я. Сюзюмов. Книга Эпарха, стр. 85.

быть доказано с достаточной точностью. М. Я. Сюзюмов исходит из того, что мыловару запрещалось обучать своему делу постороннее лицо (XII, 1): следовательно, полагает он, всякий принятый в цех был посторонним, т. е. не знающим ремесла. Однако „Книга Эпарха“ (XII, 1) допускает и иное толкование, поскольку интерпретируемая статья разрешает обучать ремеслу постороннее лицо с ведома эпарха или старейшины цеха. Таким образом, вполне вероятно, что желающий вступить в цех сперва — с разрешения одного из этих лиц — становился учеником и обучался ремеслу, а затем уже принимался в члены цеха. Предполагать наличие мыловаров-предпринимателей, не знающих своего ремесла и не работающих лично, не представляется нам возможным.

При вступлении в некоторые цехи надо было уплачивать определенную сумму. Вступающий в цех метаксопратов платил 2 номисмы (VI, 6 и VII, 3), в цех вестипратов — 6 номисм (IV, 5), в цех мыловаров — 12 номисм (XII, 2). Особенно высоким был вступительный взнос в привилегированном цехе тавуляриев: здесь он составлял 32 номисмы (I, 14). Это были весьма значительные суммы; достаточно сравнить размер вступительных взносов с заработной платой ремесленника-поденщика, получавшего в месяц 1—2 номисмы.

Наконец, некоторые уставы вводят определенные социальные ограничения. Членами ряда цехов (трапезитов, метаксопратов) не могли стать рабы; в цех метаксопратов не допускались также люди неимущие и пользующиеся „дурной славой“ (VII, 5).

Особенно подробно регламентируется прием в цех тавуляриев (I, 1—3). После выступлений поручителей вступающий в цех подвергался испытанию, в ходе которого определялось, имеет ли он соответствующие познания в законах и владеет ли искусством письма. К нему предъявлялось требование быть благочестивым и добродетельным, обладать ясным умом и здоровьем. После испытания весь цех тавуляриев должен был явиться к эпарху и принести присягу в том, что новый тавулярий избран не по родству или протекции, но исключительно благодаря его знаниям и добродетели.

Таким образом, уставы свиноторговцев, трапезитов, ювелиров, вестипратов, метаксопратов, мыловаров и тавуляриев устанавливали большие или меньшие формальности для приема в цех; в остальных уставах о каких-либо формальностях ничего не сказано.

Порядок приема в цех указывает на известную привилегированность цеховых мастеров. Нет нигде следов характерного для позднего Рима принудительного зачисления в коллегию: ремесленники и торговцы стремятся вступить в цех, а цехи — во всяком случае привилегированные цехи — ставят им известные препятствия. В соответствии с этим и выход из цеха представлял собою, по „Книге Эпарха“, своего рода изгнание, наказание, являвшееся результатом проступка. О добровольном уходе из цеха здесь нет речи.¹

Однако, как правильно указал Е. Черноусов,² последнее обстоятельство не означало прикрепления мастера к цеху, характерного для Поздней Римской империи: просто уход из цеха был вне компетенции эпарха. К тому же в некоторых случаях „Книга Эпарха“ допускает переход из одного цеха в другой (из цеха катартариев в цех метаксопратов), а также свободный выбор той или иной ремесленной профессии (ἐκλογή) (IV, 7 и VIII, 6). Наличие того и другого подтверждается агиографи-

¹ А. Stöckle. Ук. соч., стр. 62 сл.

² Е. Черноусов. Ук. соч., стр. 167.

ческой литературой, знающей, например, случай перемены профессии мясника на ремесло брадобрея.¹

Цех обладал определенной организацией. Приведенное выше место из „Василик“ показывает, что коллегии должны были иметь общее имущество и казну, а также синдика, который вел общие дела. „Книга Эпарха“ ничего не сообщает об общем имуществе и казне цехов, нет в ней и сведений об общих помещениях. Зато старейшины цехов постоянно упоминаются в уставах. Во главе цеха тавуляриев стоял примикирий (I, 10, 11, 21, 24), который избирался на общем собрании и утверждался эпархом. Цех прандиопратов возглавлялся экзархом (V, 1); во главе цеха метаксопратов, повидимому, также стоял экзарх (VI, 4). Наличие старейшин (простатов, протостатов, проэстатов и экзархов) засвидетельствовано для цехов аргиропратов, золотых дел мастеров, мыловаров, лоротомов и малактариев, свиноторговцев, рыботорговцев, корчмарей и вофров. Старейшины цехов упомянуты и в других источниках: „Эпанагога“ (V, 5) упоминает проэстота булочников; в хронике псевдо-Симеона назван старейшина сапожников;² архонтов цехов знает Константин Багрянородный.³ Наконец, „Клиторологий“ Филофея называет среди лиц, подчиненных эпарху, экзархов и простатов. Стремление А. Штэкле доказать, что эти чины не тождественны простатам и экзархам „Книги Эпарха“⁴ не представляется нам оправданным.

Число старейшин в цехе могло колебаться: если некоторые уставы говорят об одном старейшине, то в других цехах их было несколько.⁵

Старейшины должны были наблюдать за торговлей и ремеслом (XVI, 3; XVII, 1 и 4; XIX, 1; II, 9 и XII, 1), следя за тем, чтобы не нарушались правила. Кроме того, примикирий тавуляриев должен был разрешать споры между членами своего цеха, и тот, кто осмелился бы не признать постановления примикирия, карался штрафом в 3 номисмы (I, 10). Проэстот ювелиров производил расследование, определяя, не является ли краденым золото и серебро, которым торговал какой-нибудь приезжий (II, 6).

Старейшины получали определенные денежные суммы, о чем, впрочем, свидетельствует только устав вофров. Простат вофров получал по 4 милларисия за каждое обнаруженное краденое животное, а с тех, кто обращался к нему с просьбой о разрешении спора в отношении цены животного, взимал по 6 фоллов с каждой номисмы спорной суммы; кроме того, вофры ежегодно платили ему небольшую сумму денег (XXI, 10). Устав тавуляриев свидетельствует, что примикирий получал определенный взнос от вступающего в цех нового члена (I, 13—14).

Все это показывает, что константинопольские цехи с их системой регламентации ремесла и торговли, с их внутренним устройством, представлявшим собою не что иное, как приложение общинных порядков к ремесленным привилегиям (Ф. Энгельс),⁶ являлись организацией, выросшей из ограниченности и косности средневекового мелкого производства и в свою очередь содействовавшей сохранению этой ограниченности и косности. В этом смысле мы не можем говорить о каких-либо

¹ А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 141.

² См. выше, стр. 138.

³ Constantini Porphyrogeneti. De cerimoniis aulae Byzantinae exrec. I. I. Reiskii, Bonn, 1829 (далее — De cerim.), p. 579.

⁴ А. Stöckle. Ук. соч., стр. 84 сл.

⁵ Там же, стр. 79.

⁶ См. „Дополнения“ Ф. Энгельса к третьему тому „Капитала“. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 914.

принципиальных отличиях в структуре византийского цеха и западноевропейских цехов, хотя, разумеется, константинопольские цехи отличались теми или иными особенностями от того или иного страсбургского, флорентийского или парижского цеха. Как и на Западе, как и на Руси, корпоративность константинопольских ремесленников и торговцев была направлена против господствующего класса феодалов, с одной стороны, и против конкуренции внецеховых мастеров — с другой. Ни в коем случае нельзя согласиться с утверждением А. П. Рудакова, будто бы роль византийских коллегий была лишь „общественно-парадной“ и будто бы они представляли собой только пережиток старинных городских организаций.¹

Константинопольские цехи IX—X вв. могли быть генетически связаны так или иначе с позднеримскими коллегиями, однако между теми и другими существовало принципиальное различие: позднеримские коллегии IV—VI вв. представляли собою организации несвободных ремесленников, тогда как византийские цехи являлись корпорациями свободных мастеров, охраняющими привилегии своих членов. Таким образом, нет оснований подчеркивать, как это делает в своих работах М. Я. Сюзюмов, традиции константинопольских цехов X в. Сохранение в той или иной мере этих традиций — фактор подчиненного значения.

Корпоративность организации ремесла и торговли в Византии не исключала неравенства среди ремесленников и торговцев. Равенства не было прежде всего между отдельными константинопольскими цехами. Члены некоторых цехов должны были обладать имуществом, необходимым для организации слобжного производства. Таковы булочники, мыловары² и, в первую очередь, аргиропраты, трапезиты, торговцы шелковыми тканями, которые должны были иметь значительные средства для приобретения товаров. Уже рассмотренный нами материал показывает, что одни цехи применяли труд рабов и мистиев, тогда как в других мастера работали самостоятельно, не используя труда „помощников“.

Это экономическое различие отразилось и на правовом положении отдельных цехов: одни цехи, как мы видели, сумели в значительной степени обеспечить себя от конкуренции, другим не удалось этого добиться. Наконец, доступ в одни цехи был ограничен, тогда как для других цехов ограничения такого рода неизвестны. Более того. В некоторых случаях можно наблюдать подчинение одних цехов другим. Цех дубильщиков находился, повидимому, в подчинении цеха малактариев: впрочем, об этом можно судить лишь на основании того, что дубильщики должны были состоять под надзором простата малактариев (XIV, 2).

Более отчетливо система соподчинения цехов выступает в шелковом производстве. Руководящая роль здесь принадлежала метаксопратам, торговцам шелком. Цех метаксопратов во всех отношениях занимал первенствующее положение: доступ в цех был затруднен, и членами его могли становиться лишь „почтенные люди“; при вступлении в цех требовалось поручительство и вступительный взнос; устав защищал метаксопратов от конкуренции так называемых мелатрариев (латрариев, по остроумной конъектуре М. Я. Сюзюмова), тайных скупщиков шелка-

¹ А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 140.

² М. Я. Сюзюмов (Книга Эпарха, стр. 87) даже считает, что мыловары были предпринимателями, не занимавшимися ремеслом и лишь эксплуатировавшими труд своих „людей“.

сырца, равно как и от конкуренции архонтов; наконец, метаксопраты использовали труд мистиев.

В зависимости от метаксопратов находился цех катартариев. Наиболее зажиточные из катартариев (VII, 5) имели право покупать шелк-сырец непосредственно у восточных купцов, вступая в соглашение с метаксопратами (VII, 4); большинство же катартариев должно было покупать шелк у метаксопратов, и притом по цене выше той, в которую обходилось покупка шелка самим метаксопратам (VII, 2).

Отношения между цехами катартариев и метаксопратов представляются в таком виде.

Катартарии очищали шелк; после очистки он возвращался метаксопратам. Об этом можно судить на основании того, что сирикарии могли получать свое сырье только от метаксопратов (VIII, 8). Впрочем, это постановление не совсем ясно. Первая трудность, возникающая при его истолковании, заключается в том, что, согласно „Книге Эпарха“ (VIII, 8), сирикарии должны покупать у метаксопратов метаксу; этим термином обычно называли неразмотанные коконы. Но если принять, что сирикарии действительно покупали неразмотанные коконы, то придется допустить, что они выполняли работу катартариев. Видимо, метаксой в данном случае названы не коконы, а размотанная шелковая пряжа.

Сделав подобное допущение, А. Штэкле и Г. Миквиц приходят к выводу о существовании следующих этапов в шелковом производстве в Константинополе:¹

1. Метаксопраты покупают коконы шелкопряда у восточных купцов.
2. Метаксопраты передают коконы катартариям для размотки.
3. Катартарии возвращают пряжу метаксопратам.
4. Метаксопраты продают пряжу сирикариям.

(5. Вопрос об окраске пряжи решается по-разному и представляется нам спорным и далеким от окончательного решения, — поэтому мы на нем сейчас не останавливаемся).

6. Сирикарии, изготовив ткани, продают их вестиопратам.

Однако и это предположение не дает удовлетворительного решения всех вопросов: оно оставляет совершенно невыясненным положение катартариев. Если действительно метаксопраты передавали катартариям коконы и получали от них пряжу, то они должны были бы платить катартариям за работу. Рассуждая подобным образом, Г. Миквиц считает катартариев мистиями метаксопратов; М. Я. Сюзюмов, хотя он и оспаривает это положение Г. Миквица,² все же утверждает (если это не оговорка), что катартарии „сдавали пряжу метаксопратам“.³ На самом же деле метаксопраты не платили катартариям за работу, и катартарии не сдавали им пряжу: „Книга Эпарха“ (VII, 2) свидетельствует, что катартарии покупают метаксу у метаксопратов.

Но даже внося эту поправку в изложенную выше гипотезу, все же следует признать, что метаксопраты составляли привилегированный цех, а катартарии находились от них в зависимости. Неудивительно, что зажиточные катартарии стремились перейти в цех метаксопратов.

Подводя итоги, мы констатируем, что одни константинопольские цехи были более богатыми и привилегированными, другие — находились в худшем положении. При этом более привилегированными были цехи

¹ A. Stöckle. Ук. соч., стр. 28; G. Mickwitz. Die Organisationsformen zweier byzantinischen Gewerbe. „Byzantinische Zeitschrift“, 36, 1936. S. 71 f. Ср. также М. Я. Сюзюмов. Книга Эпарха, стр. 73—74.

² М. Я. Сюзюмов. Книга Эпарха, стр. 64.

³ Там же, стр. 74. Разрядка наша. — А. К.

торговцев и особенно торговцев тканями. Однако строго разработанной системы соподчинения старших и младших цехов, зависимости ремесленных цехов от торговца, раздающего сырье, забирающего товар и уплачивающего ремесленникам за работу, „Книга Эпарха“ не знает. Неравенство цехов находится, собственно говоря, в зачаточном состоянии: здесь не существует даже и формального подчинения труда капиталу.

Существовало неравенство и в пределах одного цеха. Например, табулярии разграничивались по определенным разрядам, в соответствии с чем они получали вознаграждение (I, 8—9). Среди метаксопратов были более богатые купцы, которые скупали шелк-сырец в большом количестве, а затем перепродавали его сотоварищам по цеху с известной надбавкой (VI, 9). В цехе катартариев было много бедняков, мужчин и женщин, которые покупали метаксу небольшими порциями у метаксопратов (VII, 2 и 5). Не случайно, что именно устав этого цеха, в котором было много бедноты, предусматривает возможность изгнания из цеха „болтуна“, ругающегося площадной бранью, и смутьяна, т. е. человека, осмелившегося порицать существующие порядки (VII, 6).

Наряду с мастерами и торговцами, входившими в цехи, в Константинополе имелось большое количество ремесленников и перекупщиков, стоявших вне цеха. Таковыми являлись метапраты, сакулярии, {ме}латрарии (т. е. „торгующие из-под полы“), лица, торгующие свечами, изготовленными из огарков, и т. п. Были здесь и ткачи по шелку, не входившие в цехи; об этом свидетельствует запрещение мастерам-сирикариям сдавать в императорскую килистарию (склад) шелковые ткани, изготовленные на стороне („Книга Эпарха“, VIII, 11): повидимому, богатые мастера из цеха сирикариев пытались раздавать сырье не состоявшим в цехе ткачам, и изготовленные ими „на стороне“ ткани сдавали на императорские склады как собственные.

Деятельность других внецеховых ремесленников (ткачи полотен, техниты) была легальной, однако они занимали худшее положение, чем члены цехов. Многие из таких внецеховых ремесленников, не имея своего эргастерия, нанимались за поденную плату. Данные о поденной плате византийских ремесленников чрезвычайно скудны, но все же можно подсчитать, что она составляла примерно 1—2 кератия в день или 1—2 номисмы в месяц.¹ Эта плата была чрезвычайно низкой, так как даже весьма скромное пропитание должно было обходиться в 10—15 фоллов в день, т. е. примерно в 1 кератий. Из жития Андрея Юродивого мы узнаем, что в X в. нищий, если он стоял на „хорошем“ месте, мог получить в день милостыни на 20—30 лепт (фоллов), т. е. примерно 2 кератия.² Тяжелое положение технитов подтверждается и „Книгой Эпарха“, которая отмечает, что они стоят перед угрозой, оставшись без работы, оказаться лишенными пропитания (XXII, 2).

„Книга Эпарха“ устанавливает, что техниты, нанявшиеся к какому-нибудь работодателю, не имеют права бросить начатую работу и переходить на другое место (XXII, 1); технитов, которые бросают работу, устав упрекает в жадности и злонамеренности, угрожая им за это плетью, острижением волос и изгнанием из города; выплаченная им заработная плата должна быть затребована обратно (XXII, 2). Далее, „Книга Эпарха“ порицает тех ремесленников, которые обманывают

¹ G. Ostrogorsky. Löhne und Preise im Byzanz. „Byzantinische Zeitschrift“, 32, 1932, S. 295 ff.; М. Я. Сюзюмов. Книга Эпарха, стр. 109.

² Migne. PG, t. CXI, col. 656. А. Ср. А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 130.

одного, обладеживают другого, стараясь лживыми словами повесить свою заработную плату. Таким образом, по всему тону „Книги Эпарха“ видно, что она охраняет интересы работодателя и выступает против технитов.

Техниты, хотя они и являлись наемными работниками, получавшими заработную плату, отличались принципиально от пролетариев нового времени в том отношении, что не создавали своему работодателю прибавочной стоимости. Труд технитов по строительству и украшению зданий был направлен на удовлетворение потребностей работодателей (прежде всего, феодалов), и продукты этого труда не реализовались на рынке. Поэтому и заработная плата технитов не представляла собой переменного капитала, авансируемого предпринимателем, но составляла определенную долю земельной ренты феодала, жалования чиновника, военной добычи полководца и т. п. С другой стороны, техниты отличались от наемных рабочих эпохи капитализма тем, что являлись собственниками орудий своего труда.¹ Таким образом, эксплуатация труда технитов в полной мере соответствовала феодальной системе хозяйства.

Внецеховые ремесленники сплошь да рядом объединялись в своего рода артели. Такое объединение ремесленников рисует раннее житие преп. Симеона: каменотесы-исаврийцы, занятые восстановлением стен Антиохии, жили настоящей общиной и заботливо ухаживали за своими товарищами, потерявшими зрение и силу от тяжелого труда.²

Таким образом, можно видеть, что в Византии IX—X вв. ремесло и торговля были организованы по цеховому принципу с характерной для него регламентацией производства и прибыли, со свойственными ему противоречиями между привилегированными и не привилегированными цехами, между объединенными в цехи мастерами и внецеховыми ремесленниками, между мастерами и мистиями-подмастерьями, между богатыми и бедными мастерами. Рабский труд — пережиток предшествующей формации — не играл существенной роли и нередко уподоблялся труду мелкого свободного производителя (раб, выступающий в качестве владельца мастерской и члена цеха). Конкуренция была неразвита, а наемный труд в тех формах, в которых он существовал (мистий-подмастерье и технит) по своему существу не выходил за рамки средневекового производства.³

Но если византийское ремесло и торговля были организованы в принципе по-средневековому, по-феодальному, то все же они имели некоторые специфические особенности. Одна из своеобразных черт положения константинопольских ремесленников и торговцев заключалась в том, что они были теснейшим образом связаны с императорским двором и высшим чиновничеством, с обслуживанием нужд императорского двора, армии и знати. Большое количество оружейников и корабельщиков обслуживало армию и флот. С удовлетворением потребностей двора было связано производство предметов роскоши: драгоценных шелковых тканей, особенно пурпурных, и ювелирных изделий. „Книга Эпарха“ (VIII, 9 и 11) указывает, что продукция сирикариев сдавалась на императорские склады. Лоротомы обслуживали императорские конюшни, изготавливая ремни и части для повозок.

¹ См. К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 604 (К. Маркс говорит в данном месте об условиях феодальной Индии).

² А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 142.

³ В этой связи следует уточнить данную нами ранее одностороннюю формулировку, согласно которой Византия „унаследовала от античности“ элементы наемного труда (А. П. К а ж д а н. Рабы и мистии, стр. 78—79) — определенные формы наемного труда присущи и феодальной системе хозяйства.

Таким образом, развитие константинопольского ремесла и торговли зависело в известной мере от наличия заказов (или более или менее определенного спроса) со стороны двора и знати. С другой стороны, интересами двора и знати было вызвано ограничение вывоза византийских товаров.

Экономические связи столичных ремесленников и торговцев с византийским двором закреплялись административными. Константинопольские мастера обязаны были принимать участие в торжественных выходах императора и тому подобных церемониях. Устав тавуляриев налагает штраф на члена цеха за неявку на торжественную церемонию в связи с императорским выходом (при этом половину суммы штрафа получали товарищи по цеху) (I, 4). Во время торжественных выходов императоров вестиопраты и аргиропраты должны были украшать пурпурными тканями, золотом и серебром так называемый Трибунал, где императора приветствовали цехи (*συστήματα τῆς πόλεως*) во главе с подчиненными эпарху симпоном и логофетом претория.

Некоторые византийские ремесленники, например, пелопоннесские ловцы пурпурных раковин, необходимых для окраски драгоценных тканей, и мастера, изготавливавшие материал для письма, имели „царские чины“ (*βασιλικὰ ἀξιώματα*).¹ Константинопольские цехи принимали участие в обороне города. „Книга церемоний“ указывает, что наместник императора, оставленный им в городе, должен распорядиться, где каждый цех (*ἐκάστου τούτων τῶν συστημάτων*) обязан занять место во время обороны города от нападения врагов.²

Связанные экономически и административно с императорским двором, византийское ремесло и торговля были поставлены под неослабный контроль чиновников во главе с эпархом (*ὁ τῆς πόλεως ἐπαρχος*).³

Эпарху — согласно „Книге Эпарха“ — принадлежало право контроля за торговлей золотом и серебром (II, 4 и 7), драгоценными тканями (IV, 2—4; VIII, 1 и 5), мясом (XV, 2), рыбой (XVII, 4), хлебом (XVIII, 4), а также — над меновой торговлей с болгарями (IX, 6). Он должен был следить за поведением аргиропратов (II, 12), мыловаров (XII, 1), техников (XXII, 2—3), пресекать деятельность сагуляриев (III, 2). С ведома эпарха происходил прием новых членов в цехи золотых дел мастеров (II, 11), мыловаров (XII, 2), вестиопратов (IV, 5), метаксопратов (VII, 3); при вступлении в цех тавуляриев прикириий представлял эпарху вновь принимаемого (I, 9). Эпарх назначал старейшин прандиопратов (V, 1), лоротомов (XIV, 1), малактариев (XIV, 2), а может быть и старейшин всех остальных цехов.

Эпарх руководил закупкой сырья у торговцев, привозящих метаксу (VII, 5), и распределял нераспроданные восточные ткани (V, 5); он регулировал сдачу в аренду помещений под эргастирии (IV, 6), контролировал все производство шелка, сгавя на шелковые ткани пломбы, — без пломб эпарха ткани подлежали конфискации (IV, 4; VIII, 9). Наконец, все весы и гири должны были иметь печать эпарха (VI, 4; XI, 9; XII, 9; XIII, 2).

Таким образом, наиболее тщательному контролю со стороны эпарха подвергались производство и торговля предметами роскоши: драгоцен-

¹ Migne PG, t. CXIII, col. 396 A.

² De cerim., p. 449.4.

³ См. о нем Ф. И. Успенский. Константинопольский эпарх. „Известия Русского Археологического Института в Константинополе“, т. IV, 1899, вып. 2. А. Stöckle (Ук. соч., стр. 75) ошибается, утверждая, что в источниках VII—IX вв. ничего не говорится об эпархе. — см. Е. Черн о у с о в. Ук. соч., стр. 171.

ными тканями, золотом и серебром, а также торговля продуктами питания.

Из устава шорников (XIV, 1) мы узнаем, что все лица, подведомственные эпарху, т. е. торговцы и ремесленники, обязаны были выполнять государственные повинности (*αἱ τοῦ δημοσίου ὑπηρεσίαι*). Кожевники и дубильщики должны были „платить“ (подчиняться?) (*συντελεῖν*) помощнику эпарха — симпону (XIV, 2). Характер этих повинностей не раскрывается в „Книге Эпарха“, — только в уставе мыловаров (XII, 2) говорится об уплате в казну при приеме новых членов в цех. В отличие от других цехов, булочники были освобождены от государственных повинностей (*λειτούργια*) для того, чтобы они могли непрерывно печь хлеб (XVIII, 2). Константин Багрянородный отмечает, что некоторые привилегированные пелопоннесские ремесленники были освобождены от конной повинности,¹ — остальные, следовательно, должны были ее выполнять.

К этому следует прибавить, что некоторые ремесленники должны были сдавать на императорские склады готовую продукцию (VIII, 9 и 11); другие — должны были выполнять особые повинности для императорского двора (*βασιλικαὶ ὑπηρεσίαι*), получая за это плату, назначенную императором (XIV, 1). Царскую службу должны были выполнять трапезиты (III, 6), а аргиропраты поставляли драгоценную утварь для украшения зал дворца.²

Из собранного нами материала видно, что ремесленники и торговцы платили в казну подати и отбывали повинности. Совершенно ошибочным является представление А. Андреадиса, вообще идеализирующего положение трудящихся в Византии, о том, что император якобы не получал от византийских цехов никакой „финансовой выгоды“.³

Константинопольский эпарх обладал значительными административными правами по отношению к ремесленникам и торговцам. За нарушение правил регламентации, за неподчинение старейшинам и властям на цеховых мастеров налагались не только штрафы, но и позорящие наказания: порка, острижение головы, высылка из города и т. п. Наконец, цеховая организация использовалась государственной властью для создания системы слежки и контроля за ремесленниками и торговцами.⁴

Все это приводило к тому, что отношение мастеров к государству было двойственным: с одной стороны, они зависели от заказов двора и знати и видели в них источник своего существования, с другой — они постоянно чувствовали на себе надзор и контроль государства, налагавшего к тому же на них различные повинности и платежи, ограничивавшего размеры прибыли, препятствовавшего расширению производства.

В буржуазной исторической литературе широко распространено представление о существовании в Византийской империи монополии на торговлю съестными припасами. Эту точку зрения отстаивал А. Гфррер, который ссылаясь на известие западноевропейского хрониста Альберта Ахенского,⁵ утверждавшего, что в Византии никто, кроме императора, не имел права торговать вином, маслом, зерном, мукой, фуражом и вообще какими-либо съестными припасами. Была также предпринята

¹ Migne. PG, t. CXIII, col. 396.A.

² De cerim., p. 572, 17.

³ A. Andréadès. Byzance, paradis du monopole. „Byzantion“, IX, 1934, p. 173 sq.

⁴ Книга Эпарха II, 6; XIII, 4.

⁵ A. Gfrörer. Byzantinische Geschichten, Bd. II, Graz, 1873, S. 396 со ссылкой на Bongars, Gesta Dei per Francos, Hannoverae, 1612, p. 204.

попытка доказать существование государственной хлебной монополии при Никифоре Фоке, причем источником для этого утверждения являлось одно место в хронике Скилицы.¹

Утверждения о наличии государственной монополии хлебной торговли в Византии противоречат многочисленным указаниям хроник, житий и „Книги Эпарха“ на существование частной торговли хлебом и другими съестными припасами. Мы можем лишь думать, что государство контролировало рынок и, в первую очередь, торговлю продуктами питания. Из хроники продолжателя Феофана мы узнаем, что императоры сами заезжали на рынок, осматривали его и следили за ценами.² „Эпанагога“ (IV, 8) предписывает, чтобы эпарх следил за ценой на мясо и поддерживал эту цену в „справедливых“ размерах (*δικαίως τιμήσασι*). Особенно тщательно контролировалась хлебная торговля. Торговцам хлебом (*σιτοκῆπτοί*) запрещалось скапливать запасы зерна (*ἀποτῆλαι τον σίτον*).³ Имелись специальные государственные хлебные амбары, находившиеся в ведении особых чиновников: комита амбаров и нумерария.⁴ Наконец, государство контролировало торговлю собственно хлебом и цены на хлеб.⁵ Повидимому, эти ограничения торговли некоторые участники первого крестового похода, со слов которых писал Альберт Ахенский, и принимали за государственную монополию.

Но государство не только держало под постоянным контролем цеховое и внецеховое ремесло и торговлю: существовали специальные государственные мастерские. Эти мастерские были подчинены ведомству идики и управлялись архонтами — *ἄρχοντες τῶν ἐργοδοσίων*.⁶

В государственных мастерских должна была производиться чеканка монеты,⁷ хотя прямо об этом источники ничего не говорят. Государству также принадлежали рудники и каменоломни, в которые ссылались государственные преступники. В государственных мастерских было сосредоточено производство некоторых видов вооружения и, прежде всего, производство „греческого огня“, окруженное глубокой тайной. В рассказе о перенесении мощей „мученика“ Евфимия (относящемся, правда, к VIII в.) повествуется о том, как император Лев III приказал открыть в одном из храмов оружейную мастерскую.⁸

В „Книге церемоний“ содержатся важные сведения о деятельности ведомства идики. Это ведомство должно было поставлять холстину и кожу, необходимые для строительства кораблей.⁹ При этом, как мы узнаем из другого места того же источника, кожа частично покупалась, частично же выдавалась из складов ведомства идики.¹⁰ Помимо мастеров, продававших государству паруса, существовали мастера, находившиеся в непосредственном подчинении казны: они получали плату (*μισθός*) казна выдавала им нитки.¹¹

Ведомство идики распоряжалось и иными продуктами: канатами,¹²

¹ Н. Скабеланович. Византийское государство и церковь в XI в., СПб., 1884.

² Theoph. Cont., p. 87.17.

³ Там же, стр. 479.6.

⁴ De cerim., p. 701.3

⁵ Cedrenus, ed. I. Bekker. Bonn, 1839, v. II, p. 349.15 и 374.1.

⁶ J. V. Bury. The imperial administrative system in the 9th century, London, 1911, p. 142.10.

⁷ Chr. Masci. Ук. соч., стр. 14 и сл.

⁸ А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 145.

⁹ De cerim., p. 671.18.

¹⁰ Там же, стр. 674.21.

¹¹ Там же, стр. 674.17.

¹² Там же, стр. 676.11

плащами, обувью, льняными и шелковыми тканями, свечами, факелами.¹ Все эти предметы, повидимому, изготовлялись в государственных мастерских.

„Клиторологий“ Филофея упоминает ряд дворцовых ремесленников, в том числе ювелиров, ткачей и портных.² Особенно большую роль играли императорские ткацкие мастерские. В житии патриарха Антония Кавлея фигурирует начальник императорской шелкоткацкой мастерской.³ „Попечителя“ императорской ткацкой мастерской⁴ называет и Лев Диакон: во время заговора против Иоанна Цамисхия этого „попечителя“ просили помочь вместе со всем его „цехом“ (*μετὰ τοῦ τῆν ἰστοουργικῆν αἰτουρουόυντος συντηματος*).⁵ Царские ткацкие мастерские упоминаются, наконец, в одном письме Феодора Студита.⁶

Источниками засвидетельствовано существование государственных ювелирных мастерских. Помимо уже приведенного свидетельства „Клиторология“ Филофея, можно сослаться на упоминание в хрониках некоего Анастасия — сакелярия и начальника ювелирной мастерской (*ἄρχων τοῦ χρυσοχοεῖου*),⁷ жившего при Романе Лекапине.

Государственные мастерские, как показал уже М. Я. Сюзюмов,⁸ производили огромное количество предметов роскоши, необходимых для украшения императорских дворцов и парадных одежий императора. Эти же предметы роскоши употреблялись для подкупа правителей соседних народов и их послов, а также для раздачи наград. При Романе Лекапине королю Италии Гуго и его графам были посланы драгоценные подарки (сосуды и шелковые одеяния) — одновременно с просьбой о помощи против восставших жителей византийской Италии.⁹ Константин Багрянородный рекомендует использовать для подкупа печенегов шелковые ткани, а также различные восточные товары, как-то перец и т. п. Шелковые ткани, изделия из золота и серебра византийские императоры раздавали в награду синклитикам и даже монахам.¹⁰ Шелковые ткани, золотые и серебряные предметы требовались для украшения города и парадных зал дворцов во время торжественных приемов или при триумфальных въездах императоров.¹¹ Все эти предметы производились в государственных шелкоткацких и ювелирных мастерских, которые, однако, были не в состоянии удовлетворить полностью потребности двора — поэтому известное количество продуктов император получал в форме повинностей цеховых мастеров.

Источники засвидетельствовали существование еще ряда профессий, занятых обслуживанием потребностей двора. Прежде всего, известны императорские „прачешники“ (*σαπωνισταί*).¹² Возможно, что существовали также государственные мастерские мыловаров: из „Книги Эпарха“ (XII, 9)

¹ Там же, стр. 473—474, 677.20, 678.9.

² J. В. Вугу. Ук. соч., стр. 144.39.

³ А. И. Пападопуло-Керамевс. Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия патриарха, т. 1, СПб., 1899, стр. 18.25.

⁴ Leo Diaconus, ed. В. Hase, Bonn, 1828, p. 146.24.

⁵ Там же, стр. 147. 2.

⁶ Migne. PG, t. 99, col. 1249.

⁷ Theoph. Cont., p. 892.14. Это известие могло бы быть истолковано иначе, ибо термином *ἄρχωντες* Константин Багрянородный обозначает также старейшин цехов — см. De serim., p. 579. Однако трудно допустить, что Анастасий был старейшиной цеха, ибо он имел важный чин сакелярия.

⁸ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля... стр. 26—28.

⁹ De serim., p. 661.13.

¹⁰ Cedrenus, II, 54.9; Theoph. Cont., p. 116.7. и 457.6

¹¹ De serim., p. 499.13, 505.5 и 572.2. Ср. Cedrenus, II, 536.10.

¹² Там же, стр. 578.17.

видно, что раб мыловара может за преступление быть передан в собственность государства. Весьма вероятным представляется существование государственных шорных мастерских, подчиненных ведомству протостратора: для „царской службы“ в них привлекались лоротомы.¹

Наконец, сохранилось известие о специальном императорском архитекторе,² который ведал строительными работами, однако неизвестно, имел ли он в своем распоряжении постоянных работников или пользовался трудом артелей технитов.

Чрезвычайно сложен вопрос об организации государственных „цехов“: он почти не освещен в источниках. Скорее всего, эти „цехи“ состояли из ряда мелких мастерских, как и обычные константинопольские цехи. А. П. Рудаков предполагает, что в Византии существовали государственные мануфактуры для производства шелка и пурпура.³ Однако никаких известий о мануфактурной организации шелкового производства в Константинополе X в. в источниках нет. Нет также и прямых известий о наличии здесь оружейных мануфактур.

В государственных мастерских применялся труд рабов. Уже М. Я. Сюзюмов использовал интересный отрывок из письма Феодора Студита, где рассказывается о том, как осужденный за иконопочитание был превращен в царского раба (*βασιλικὸν οἰκέτην*) и помещен среди ткачей.⁴ „Книга Эпарха“ отмечает, что государственным рабом мог стать раб — плавильщик золота, принадлежавший частному лицу, если он нарушал правила своего ремесла (II, 9); такое же наказание было установлено и для раба-мыловара (XII, 9).

Менее определены два других известия. Хроника псевдо-Симеона рассказывает об императорских рабах, требовавших увеличения полагавшихся им хлебных выдач;⁵ однако из этого известия неясно, чем занимались эти государственные рабы. Иоанн Геометр в одном из стихотворений грозит болгарам, что они будут сокрушены и их заставят работать в государственных мастерских (*δημιουργεῖν*), где их закуют в кандалы.⁶ К этому можно присоединить известие Лиутпранда о том, что арестованные за нарушение порядка направляются на государственные работы.⁷

Все эти факты единичны и в большинстве своем неопределенны. Как правило, государственными рабами, работающими в императорских мастерских, оказываются преступники. Интересы императорского хозяйства IX—X вв., повидимому, не требовали широкого применения рабского труда. Мы уже указывали, что „Прохирон“ (XXXIV, 7) отменил постановление Кодекса Юстиниана о том, что рабы человека, умершего без завещания, переходили казне. Постановление „Прохирона“ было подтверждено 40-й новеллой Льва VI. Кроме того, в 38-й новелле Лев даровал императорским рабам право владения. Эта политика Василия I и Льва VI свидетельствует о том, что рабский труд в императорском хозяйстве и, в частности, в императорских мастерских не играл большой роли. Возможно даже, — если судить по 38-й новелле, — что императорские рабы были наделены средствами производства.⁸

¹ Книга Эпарха, XIV, 1.

² De cerim, p. 701.4.

³ А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 139.

⁴ Migne PG, t. 99, col. 1249.

⁵ Theoph. Cont., p. 673.16.

⁶ Migne. PG, t. CVI, col. 919.B.

⁷ Liutprandus. Antapodosis, I, 11.

⁸ А. П. Каждан. Рабы и мистии..., стр. 75.

Кроме рабов, в государственных мастерских работали свободные ремесленники. С этими ремесленниками иной раз приходилось считаться византийским политикам: так, во время заговоров участники их старались привлечь на свою сторону ремесленников царских ткацких мастерских.¹

Как мы уже знаем, эти мастера (или некоторые из них) получали заработную плату. Поскольку они работали рядом с рабами, их положение вряд ли могло быть хорошим. Гипотеза Р. Лопеса о том, что они составляли привилегированную рабочую аристократию, была подвергнута убедительной критике М. Я. Сюзюмовым.²

Кроме мастеров, являвшихся членами цеха, внецеховых ремесленников, мастеров государственных мастерских, существовали еще ремесленники, работавшие в домах вельмож. Из „Книги Эпарха“ (VI, 10; VII, 1 и VIII, 2) видно, что в услужении константинопольской знати находились ткачи по шелку и что знать стремилась обрабатывать шелк-сырец в своих домах, а не покупать шелковые ткани. Хотя „Книга Эпарха“ (V, 4) настаивает на ограничении вельмож в отношении покупки восточных тканей (они имеют право закупать эти ткани лишь для собственного потребления), в другом месте она допускает, что знатные лица продают вестипратам шелковые одежды (IV, 2). Следовательно, в домах константинопольских вельмож было организовано производство шелковых тканей, известная часть которых шла на продажу.

Другим видам ремесла константинопольские вельможи уделяли меньше внимания, и „Книга Эпарха“ молчит об организации иных мастерских в домах архонтов. Однако из других источников мы узнаем, что при больших церквях существовали собственные мастерские для производства свечей.³ „Книга церемоний“ указывает, что государственные чиновники покупали холстину для парусов в некоторых монастырях.⁴ Особенно крупными были мастерские Студийского монастыря в начале IX в.: у монастыря имелись строители, мастера по металлу, ткачи, сапожники и другие ремесленники из числа монастырской братии.⁵

Подводя итоги, мы можем констатировать наличие в Византии разных форм организации ремесла и торговли. Ведущей формой являлась цеховая организация. Цех состоял из ряда мелких ячеек — эргастириев, в которых трудился сам мастер, использующий труд своей семьи и одного-двух помощников (рабов, учеников или мистиев). Цех регламентировал производство и в большей или меньшей степени защищал мастера от конкуренции внецеховых ремесленников. Но под покровом цеховой корпоративности существовали противоречия между мистиями и мастерами, между богатыми и бедными мастерами; проявлялись и противоречия между разными цехами.

Наряду с цеховыми мастерами существовали и внецеховые ремесленники и торговцы, положение которых было значительно более тяжелым: цеховые уставы пресекали их деятельность; в то же время некоторые цеховые мастера стремились эксплуатировать внецеховых ремесленников. Особое место занимали техниты, обладавшие своими средствами производства, но получавшие заработную плату.

¹ См. выше, стр. 151, прим. 5.

² М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля, стр. 28.

³ Theoph. Cont., p. 377.10.

⁴ De cerim., p. 674.12.

⁵ Migne PG, t. 99, col. 168.C и col. 273.C. См. А. П. Доброклонский. Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский, Одесса, 1914, стр. 412 и сл.

Государство эксплуатировало ремесленников различными способами. Оно использовало, в первую очередь, труд рабов и свободных, работавших в государственных мастерских. Кроме того, оно возлагало определенные повинности на цеховых мастеров: они должны были выполнять литургии, платить взносы, сдавать часть продукции на императорские склады, а иногда даже непосредственно привлекались к „царской службе“. Широкое развитие императорских мастерских, производивших прежде всего предметы роскоши, и полное подчинение цехов эпарху, а через него — государству, составляет одну из характернейших черт организации константинопольского ремесла.

Наконец, существовали мастерские, принадлежавшие светским и духовным феодалам: вельможам, церквям, монастырям.

И. В. Сталин в гениальной работе „Экономические проблемы социализма в СССР“ дал исчерпывающую характеристику товарного производства. И. В. Сталин указал, что товарное производство нельзя отождествлять с капиталистическим производством, что оно старше капиталистического производства, что оно существовало при докапиталистических общественно-экономических формациях: при рабовладельческом строе и при феодализме. Но товарное производство при докапиталистических общественно-экономических формациях обладало определенными особенностями. „Нельзя рассматривать товарное производство, — учит И. В. Сталин, — как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий“.¹

Следовательно, товарное хозяйство при феодализме — особенно в период раннего средневековья — обладало рядом своеобразных черт, обусловленных господством феодальной собственности, преобладанием мелкого производства самостоятельных производителей и т. п. Товарное производство средневековых городов было принципиально отлочно от капиталистического производства. Здесь отсутствовали все основные элементы капиталистической системы хозяйства: частная собственность на средства производства была ограничена цеховым контролем, рабочая сила, как правило, не выступала на рынке как товар и, следовательно, система эксплуатации наемных рабочих еще не имела серьезного значения.

Собранный нами материал свидетельствует, что производство в Константинополе — хотя оно и носило в большей или меньшей степени товарный характер — было обусловлено в конечном счете совокупностью экономических условий, в которых это производство существовало, т. е. феодальной системой хозяйства. В IX—X вв. рабский труд уже не играл значительной роли в городском производстве, и „рабы“ по большей части являлись мелкими свободными производителями. Основными фигурами городского производства стали к этому времени свободный ремесленник и торговец, выступавшие как члены цеха. Цеховая корпоративность ограничивала частную собственность константинопольских мастеров на средства производства и соответственно этому — прибыль отдельных мастеров. Не производство прибавочной стоимости, а поддержание „приличного“ данному сословию образа жизни² было целью хозяйства византийских (как и вообще средневековых) ремесленников и торговцев.

С ограниченностью частной собственности на средства производства тесно связано и отсутствие системы эксплуатации наемных рабочих,

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 15.

² См. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II (VII), стр. 111.

лишенных средств производства. Наемный труд применялся в константинопольском производстве, но он носил специфически средневековые формы: это был либо труд подмастерьев, в большей или меньшей степени связанных с мастерской своего хозяина, либо труд техников, работавших при помощи собственных средств производства и не производивших для своих нанимателей прибавочной стоимости, — наоборот, в данном случае часть феодальной ренты „... составляет заработную плату рабочих...“¹

Если же говорить о специфических особенностях городского производства в Константинополе, то здесь, в первую очередь, обращает на себя внимание связь и в то же время экономическая и правовая зависимость ремесленников и торговцев от государственного аппарата. Это выразилось не только в существовании многочисленных и разнообразных государственных мастерских, но и в подчиненности константинопольских цехов императору. Указанное обстоятельство было обусловлено особенностями развития феодализма в Византии.

---

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 604.